

Константин Поляков
и Санжа Балыков.

Первый узел.

I.

Славному хану калмыков и других степных орд Хо-Урлику. Донские Атаманы и казаки, Осип Петров и все Войско Донское братский привет шлют Тебе и Твоему народу.

Посылая Тебе грамоту с нашей донскою станицею, сообщаем, что азовские люди на нас, донских казаков, умышляют, крымскому и московскому царям пишут, для рати, и послов посылают, чтоб нас, донских казаков, с Дону перевести, а Дон реку от нас взять. Но мы крепко за нашу землю и Волю стоим и прочь не идем.

Памятуя нашу с Вами дружбу эти лета, донские Атаманы и казаки просят Тебя и Твой храбрый народ стать с нами за одно и поддержать честь Вашего и нашего оружия.

В знак нашей дружбы к Тебе и народу Твоему мы, донские Атаманы и казаки, посылаем Тебе с нашею донскою станицею в дар саблю в алмазах, взятую в славном морском походе у турецкого Пиали-паши.

Пребывая в дружбе с Тобой и с верою в скорую от Вас помощь, грамоту свою скрепляем подписями войскового Атамана и писаря и большою печатью Все-го Великого Войска Донского.

II.

Именитому Атаману Донских казаков Осипу Петрову и всему Войску Донскому от калмыцкого хана Хо-Урлика ответное извещение.

Милостями бесчисленных Богов, я, хан калмыков Хо-Урлик, потомок Чингис-Бокдо хана, есть жив и здоров, как и весь мой народ в благополучии полном здесь пребывает.

Точно также и вы, донские казаки, и вы славный атаман Осип Петров, милостями Бога своего пользуетесь, в хорошем благополучии, я думаю, там пребываете.

Ваше писание, присланное с есаулом Яковом Татариновым с казаками: Персидсков, Кундрюцков, Поляков и Турчанинов называющимися, всего пятью человеками, я, 16-го сего месяца Змеи, получил.

Ваш, мне присланный подарок, турецкой стали саблю, в серебрянной оправе с камнями, от них также получил. Получив известие о вашем благополучии и подарок я весьма обрадован был.

Обо всем том, что в писании вашем сказано, я много в уме своем размышлял и, «наши и ваши внешние дела одинаковый путь имеют; мы должны друг другу помогать нелицемерно» — я решил.

От этого, мною сказанного, вы должны думать, что, как только ваши посланцы с моими людьми приедут к вам, я уже начал делать то, что найду возможным по моему расчету и в смысле вашей просьбы.

Если наше это дело кончится хорошо, мы, я думаю так, должны и в будущем наши внешние дела сообща, по добрососедски решать, от чего и нам и вам хорошо будет.

Вместе с вашими посланцами я отправляю к вам своего нойона Залу-Зандана с четырьмя, его сопровождающими, мужчинами. С ними я посылаю вам, атаману Осипу Петрову, вороного, лысого, на все четыре ноги по колени белого жеребца с седлом и уздечкой, а для Всего Войска Донского 30 золотистых, четырехлетних кобылиц с золотистым, лысым, с черным ремнем по спине молодым жеребцом. Этот мой подарок пусть будет у вас началом общего войскового табуна — я так думаю.

Хан калмыков Хо-Урлик.

В год Дракона, месяца Змеи 25.

В ханском хотоне писано.

III.

Бескрайний зеленый простор... Раннее, прохладное, весеннее утро... На степном холме, освещенная восходящим солнцем, стоит белоснежная походная кибитка хана Калмыцкого Хо-Урлика. Внизу, широко разбредясь по росистой долине, пасутся многочисленные кони, а ближе к кибитке, тройным кольцом окружая холм, черными кучами копошится калмыцкое войско. В свежем утреннем воздухе, заглушая трели жаворонков, слышится ржание коней и походные песни воинов. Там и сям, вознося к небу легкие дымки, горят костры.

Хан Хо-Урлик уже умыт и одет. Он в черном шелковом бешмете, расшитом по вороту и рукавам золотыми позументами, за желтым шелковым поясом висит кривая турецкая сабля в серебрянных ножнах с украшениями из драгоценных камней — подарок Донского Атамана; на голове — подбитая шелком черная бисерная шапочка-тюбетейка с большим, красным висячим махром на макушке. Небрежно накинув на плечи черную мохнатую кавказскую бурку, сидит он на красной сафьяновой седельной подушке, набитой лебяжьим пухом, и принимает утренний доклад старшего «тушмеля» (помощника) по военным делам, наследника трона, своего старшего сына Улан-Чоно.

Хо-Урлик светлиц; большие черные глаза под густыми черными бровями светятся умом и решительностью; прямой нос, унаследованный от матери — афганской княжны, длинные черные усы, ласточкиными крыльями распростерты в стороны, делают его лицо мужественным и привлекательным. Имя свое — Хо-Урлик (бледный красавец), впоследствии искаженное русскими историками на бессмысленные: «Хо-Орлок, Хо-Урлук, Хо-Урлюк», а кем-то даже в «Хо-Эрлек» (бледный чорт), он носит не даром. Среди тысячи смуглых лиц и приплюснутых монгольских носов, он был и бледен и красив.

Сына своего Улан-Чоно, тридцативосьмилетнего молодца, как две капли воды похожего на него, он любит, но при деловом докладе нельзя было узнать, что это говорит с глазу на глаз отец и сын. Здесь — помощник у хана с докладом по службе. Опустившись на колени в левой стороне кибитки, громко и отчетливо сын говорит:

— Хани зергесе, за ночь, кроме вчерашних пяти тысяч всадников нойона Кередского и сборной команды «кёвудов», еще прибыли полторы тьмы (15 тысяч) войска нойонов Меркитского, Торгутского и Дербетского. Таким образом, в это утро вы располагаете двумя «тьмами» всадников. Я полагаю, что с этими силами нужно подступить к крепости, чтобы в ожидании других войск не терять время.

— Зови начальников, — отвечал молчавший хан, — а братья твои прибыли, или они еще не смогли растаться с матерью?

— Прибыли ночью оба, и Зормек-Гарди и Менькё-Содмон, а с ними прибыли и ваши внуки, мои сыновья Шалдр-Аля и Шюкюр-Дячин. Я думал — им то еще рано, но они убежали от матери.

— А!.. Шалдр-Аля, хороший он будет мужчина, сердце у него орлиное, рука железная, голова светлая, достойный будет некогда у калмыков хан, — ласково заговорил Хо-Урлик, услышав имя своего баловня, старшего внука.

Вот затрубила у дверей ханской кибитки большая труба. То связываются начальники тьмы. Затрубила малая труба. То связываются начальники-тысячники. Забил барабан и затрубил рог. То связываются к хану начальники сотен и войску калмыцкому приказывается седлать и строиться.

Суета пошла в войсках; поскакали в разных направлениях всадники, сгоняя лошадей и помчались связываемые начальники всех рангов к ханской кибитке. Вот явился над ней голубой, с золотой каймой ханский походный стяг, с белым крестом посредине. Это начал

ся совет начальников с ханом и никто живой не может подойти теперь на расстояние человеческого голоса.

Все начальники, именитые нойоны и прославленные в боях батыры, отвесив хану своему низкие поклоны, заняли места по известному рангу: По правую руку от хана, по левой стороне кибитки, сидят начальники тьмы и ниже от них начальники-тысячники (командиры полков). А по левую руку от хана, вдоль правой стенки кибитки, сели многие начальники сотен. Против двери, лицом к хану, вокруг очага сели чины ханского штаба: его три сына, два внука и ханский военный советник, 75-тилетний военачальник Авга-Дорджи. Царившее немое молчание прерывает первым хан.

— Посчитаны ли у каждого воины, накормлены ли они утром и вечером и напоены ли кони, проверены ли стрелы и луки, острога пик?!
— Цогар белен, хани зергесе — отвечал сидящий повыше начальник тьмы.

После этого, по знаку хана, заговорил Авга-Дорджи — Славные нойоны и храбрые батыры, вы знаете, что в сердце нашей степи есть язва, окруженная высокими стенами и защищенная пушками. Из-за этих стен хищная рука русского царя тянется на нашу степь и мешают нам жить по своим законам и религии. Хан наш при своей жизни решил избавить свой народ от этой язвы. С этой целью, он заключил союз с воинственным, степным казахым народом и стянул свое „малое войско“ под Астрахань. А посему, сегодня — приказ вам от Вашего Хана славным начальникам и всему войску калмыцкому, взять приступом Астрахань и стереть ее с лица земли.

Авга-Дорджи умел отдавать приказание. Слушающим его начальникам после его слов и в голову не могло придти, что приказание эти могут быть неисполнены. Они все знали, что так надо сделать или умереть. И знали они, что человек решивший сделать или умереть, скорее всего сделает. Когда Авга-Дорджи кончил, заговорил сам Хан.

— Слышали вы мой приказ, переданный вам старым Авга-Дорджи?

— Слышали, хани зергесе!

— Так вот, и сделайте так. Крепость имеет не малую силу войском, у них есть ружья, пушки, они за высокими стенами, но у нас сердце чингисовых воинов, меткая стрела, острые пики. У нас должно быть желание — взять город или всем умереть, у них, наверно, нет желания — удержать город или умереть, а потому мы возьмем. Полки и сотни к атаке крепостной стены должны быть построены так: двое всадников, имея на плечах третьего человека, подскакивают к стене, а третий с их плеч, держа голую саблю в зубах, прыгает на стену, соскакивает со стены и вступает сам в бой, стараясь соединиться с другими своими товарищами. У нас нет стенобитных машин, а потому должны прибегать к этому трудному способу овладения крепостями. Я сам буду вести первые приступы, пока не возьму или умру. Если мною убавитесь, то должны слушать приказ моего старшего сына, вашего нового хана Улан-Чоно, а если не станет и его, то следующего и так дальше. Порционный скот и заводные лошади должны следовать за главным войском на расстоянии звука большой трубы, под прикрытием сотни „кёвюдов“. Я с одной тысячей меркитов и двумя тысячами керевдов буду во главе. Главные силы ведет Улан-Чоно на расстоянии двух трубных звуков. Советнику Авга-Дорджи приказываю быть при моих сыновьях и, в случае моей смерти, поддерживать их военными советами, а сыновьям приказываю его советы в боевых делах слушать. Призывая духов множества Богов, идите!..

О грозной туче, что двигалась с запада на Астрахань, воевода русский еще вчера узнал и послал трех гонцов разными путями в ближайшие крепости и в Москву с просьбой о помощи. С вечера еще замер и затих город. Заперли и замкнули городские ворота, начинали картечью и наставили пушки, и залегли у бойниц стрельцы с ружьями. Воевода отдал строгий при-

каз стрельцам: биться до последнего, ибо все равно победители никому пощады не дадут, если возьмут крепость.

Ровно в полдень захмарилась степь с запада пыльной тучей. Зазмеились черной лентой по дороге колонны конницы, приближаясь к Астрахани. Подошли почти на пушечный выстрел под стены города и стали калмыцкие полки на отдых, тройным кольцом обложив город. Астрахань словно вымерла. В калмыцком стане стоял шум и гам. Ржали лошади, мычали коровы, покачивая жирными горбами, ходили из полка в полк верблюды с бурдюками пресной воды для воинов; слышны были степные песни, казавшиеся русским волчьим воем. Так было до самых сумерок. Но не успело солнце на горизонте коснуться края земли, как начали строятся калмыцкие полки и понеслись с могучим „Ура“*) на стены крепости.

Там и сям, вспыхивая огнями из бойниц, защелкали ружья, забухали пушки, но пирамиды калмыков достигли стены и бросили на нее первую партию бойцов с шашками наголо. Завязалась рукопашная. С звериными криками прыгивали калмыки со стен и, окруженные врагами, вступали в бой. Их встречали в упор стрелецкие бердыши и пули.

Одна за одной шли под стены атакующие лавы пирамид и сбрасывали все новые и новые сотни бойцов, которые таяли в рукопашной борьбе.

Сам хан Хо-Урлик, окруженный десятком храбрцов, кося саблей направо и налево стрелецкие головы, пробирался к своим и старался собрать в единую кучу побольше своих бойцов. Но, увлеченный боем, он отделился на миг от своих и, получив в упор заряд пичали, пал.

Наступившая темнота прекратила бой. Поредевшие в рядах, без хана, со множеством заводных лошадей вернулись калмыцкие полки в свой стан. Ночью же пошел приказ по войскам, что с рассветом поведет войска в атаку новый хан Чоно-Улан.

С утра, без перерыва, до вечера повторялись атаки и дилась рукопашная. К полудню пал и новый хан; за ним, храбро сражаясь, пали и два его брата. В последней предвечерней атаке погиб привязный командование молодой хан, 20-летний внук хана Хо-Урлика Шалдр-Аля.

Тяжелые ряды войск, гибли тысячи храбрых воинов, бросаясь только скривыми саблями на бердыши, пули и пушки гарнизона крепости. Несколько раз, обращаясь в притворное бегство, пробовали калмыки выманить гарнизон из крепости на открытый бой, но знал воевода свою слабость и не давался на обман. Вместо того, чтобы преследовать бегущих врагов, он приводил в порядок ряды, заряжал пушки и пичали и снова ждал атаки.

На другое утро принял командование над калмыцкими войсками 18-летний, второй внук хана, Шукур-Дячин. Раздраженный, как степной волк, он отдал строгий приказ: Идти в атаку всем войском, завалить стены своими и чужими трупами и по ним пробраться в город.

Но вступился тут старый ханский советник Авга-Дорджи. Почтительно обращаясь к молодому хану, он говорил:

— Хани зергесе, я давал советы вашему деду, имею его приказание давать их также и вам... В войне бывают удачи и неудачи. Наши воины дерутся, как волки, но перевес оружия и высокие стены спасают русских.

*) Боевой клич „Ура“, ставший впоследствии „русским“, явно взят ими у монголов. На русском языке слово это не имеет прямого, грамматического значения, кроме переносного, как боевого клича, тогда как на монгольском языке, как и на калмыцком, оно означает: Вперед! Спеши! Пример: УРду цаг — будущее время. УРУлда — скачи! УРАлги — поспешный, УРАле — поспешай! Вперед! При массовых криках монгольских воинов крики: „УРАле!“ может быть ясно слышна только первая часть — ура, что и приняли русские (без приставки повелительного склонения — ле). Казаки же, идя в атаку, кричали — Ги!, а русские — с нами Бог — и добавляли имя царя или князя

Вы же — последний хан, прямой наследник на престол. Вас уже нечем бесспорно заменить. После вас смута пойдет в народе; он может остаться без головы. Давайте оставим атаки на стены. Обложим плотнее крепость, ни туда, ни оттуда никого выпускать не будем, трупов мертвых русских и наших там за стенами достаточно, болезни и голод начнутся там скоро. Крепость мы возьмем измором. Лазутчики доносят, что хлеба и пороха там всего дней на 10.

И началась осада города. Через неделю уже воевода повел переговоры о пропуске его войск на север и о сдаче города калмыкам.

— Сундук без золота кому он нужен? — отвечал Шукур-Дячин.

Но подливали в это время по Волге суда с хлебом, порохом, свинцом для Астрахани и множество войска на подкрепление...

Так, своей жизнью, головами трех сыновей и внука и кровью тысячи калмыцких воинов завязал хан Хо-Урлик первый узел калмыцко-казацкой дружбы.*)

*) Сюжет этого рассказа — исторический факт. Донские казаки, убив посла Фому Кантакузена и, опасаясь нападения Москвы, послали подарки калмыцкому хану Хо-Урлику и просили его о помощи. В результате этой просьбы Хо-Урлик в 1643 году осадил Астрахань и погиб в бою с тремя сыновьями и внуком.

Алексей Персидсков. (Братислава).

ПУЛЕМЕТЧИКИ.

Впереди подсолнухи зеленые
Клонят к низу золотые рты;
Вылетают пули закаленные
И летят далеко за кусты.
На тачанке, ко всему готовые,
Молодые казаки
Сыпят пули вдале свинцовые
В золотистые пески.
Серебристый трепет стали,
Оголенные штыки...
Вот идут из синей дали
Вентерем большевики.
Над глазами марево зеленое
Застилает белый свет...
Одна пуля раскаленная
И донца на свете нет.

С. Левченко. (Польша).

Хай дзвонять сурми... Кричать фанфари...
Нехай почує нас цілий світ!

Дітей степів не ділять вже чвари —
За волю встали, як моноліт...

Від нині волі ми всі — синами!

Тремтить хай Північ — народів кат!

Вже не замовкне наш гимн степами!

Вже не спіткнеться кінч козака!

Гей, ніколи, ніколи козак
Вже не стане тиранам служити;
Не надіне кайданів назад —
Буде вільним вмірати і жити!

Нас сила грізна: нас мільони —

З понад Карпатів аж по Урал.

Ми крила зняли — упали трони...

І зніс кайдани степовий вал...

Брати та сестри — Кубань, Україна,

Урал, і Дон; і Терек теж, —

Нехай живуть! А ворог — згине:

Бо воля наша не має меж!..

Гей, ніколи, ніколи козак
Вже не стане тиранам служити;
Не надіне кайданів назад —
Буде вільним вмірати і жити!..

Ив. Томаревский. (Болгария).

КАЗАЧЕСТВУ.

Сомкни, Казачество, ряды свои стальные,
Стань стремя к стремени за волю Казакии,
И, вспомнив прадедов седую старину,
Готовым будь и голову сложить в бою;
Готовым будь исполнить заветы —
Всему Казачеству лишь вольным быть на свете!
Потешилась Москва достаточно над нами —
Три века нашими играла головами;
Пора бы, кажется, и честь ей в этом знать,
И доброй, мирной лишь соседкой с нами стать...
Пора Казачеству найти уж путь свободы,
Какой нашли себе уж все почти народы...
Сомкни-ж, сомкни, казачество, ряды стальные,
Уж лучше смерть, чем жить без воли Казакии!

ГИМН КОЗАКІЙ.

(Проект).

Степ — наша мати, а батько — вітер,
А гасло — „Воля“ — на прапорах.

Мы — Козакіі з'єднані діти

І кожен вмере за свій Рідний Край!..

Вся Козакія свавільно вийде

Наїзд спинити з'єднана вщерт;

І степ побачить герць Леоніда:

Або побіда, або хай смерть!

Гей, ніколи, ніколи козак
Вже не стане тиранам служити;
Не надіне кайданів назад —
Буде вільним вмірати і жити.

Хай трелять сурми і б'ють літаври:

Навік неволі минула ніч!..

В нас на прапорах — єднання барви

І Козакія — це стара Січ!

І хай проквітнуть Кубань, Україна,

Урал, і Дон, і Терек теж, —

В козацькій вільній міщній родині

І хай не буде між нами меж!

Гей, ніколи, ніколи козак
Вже не стане тиранам служити;
Не надіне кайданів назад —
Буде вільним вмірати і жити!